

ПЕДАГОГИКА РАЗВИТОГО ТОТАЛИТАРИЗМА. ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ МАКАРЕНКО

На первый взгляд ценности человека — понятие универсальное. Всякий раз, когда мы начинаем сближаться с западными демократиями, мы вспоминаем об общечеловеческих ценностях.

И действительно, никто не посмел отрицать библейские Заповеди даже в разгар сталинских репрессий. Забывать — забывали. Умалчивать — умалчивали. Перетолковывать? Не без этого.

Но где заканчиваются общечеловеческие ценности и начинаются сугубо специфические — об этом старались не вспоминать. А зря. Потому что одни и те же ценности, одобренные различными социальными специями, дают очень не похожие друг на друга блюда.

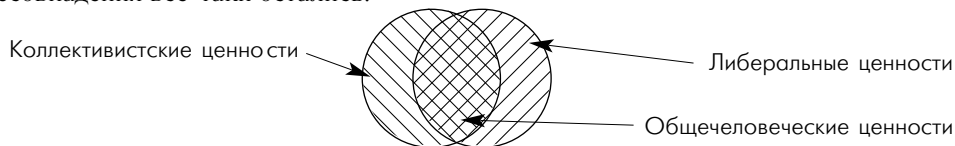
Анатолий Ермолин,
депутат
Государственной
Думы,
кандидат
педагогических
наук

Воспитанные в неволе, мы не можем дать ребёнку свободу, потому что сами в оковах.

Януш Корчак

За вычетом общечеловеческих ценностей

Если бы мы попытались изобразить сферу ценностей советской педагогики в виде круга и наложить его на сферу ценностей педагогики западного общества, то, по всей вероятности, они совпали бы на 90–95%. Но кое-какие «несущественные» несовпадения всё-таки остались.

Наши несовпадения определяются принципиально противоположным отношением к вопросу, кто «главнее» — личность или коллектив. Давайте исследуем эту тему, взяв для сравнения столпов коллективистской педагогики и педагогики индивидуализма, как иногда ещё называют педагогику автономной личности.

Читать по написанному

Начинать изучать авторитетные мнения от советской педагогики, конечно же, надо с Антона Семёновича Макаренко — главного идеолога и технолога коллективистской модели воспитания и социализации личности. Я постараюсь как можно меньше комментировать его мысли и как можно больше приводить цитат.

Первоисточники — очень неоднозначный для изучения материал. Установки читателя, работающего с ними, приводят зачастую к очень разным выводам. Когда я в курсантские годы изучал теорию марксизма-ленинизма, то отдельные положения меня просто ставили в тупик. Если понимать их, как написано, — это откровенная глупость или натяжка, придуманная для того, чтобы состыковать нестыкуемые между собой идеи. А поскольку такого не могло быть, потому что такого не могло быть никогда, то приходилось соглашаться со своей интеллектуальной недоразвитостью

и неспособностью увидеть великое в, мягко говоря, странном.

Впервые прочесть по написанному «Анти-Дюринг» и другие знаковые работы классиков марксизма я посмел ближе к 30-летнему возрасту, после чего сразу понял: все учебники по марксизму-ленинизму были переписаны у оппортуниста Дюринга. До меня наконец-то дошло, что если в качестве «стирания противоречия между умственным и физическим трудом» Фридрих Энгельс, разъяря Маркса, предлагает профессору полдня толкать тачку на стройке, а ещё полдня заниматься наукой, то он именно это и имеет в виду! С таких позиций я и предлагаю изучать отдельные положения бессмертного учения Антона Семёновича, а если у кого-то закрадутся сомнения насчёт передегивания или искажения смыслов, то вперёд, в библиотеки!

Великий «алхимик»

О личном. У меня нет оснований относиться к педагогической деятельности Антона Семёновича и его жизни неуважительно. Более того, я считаю его великим одиночкой, родившимся не в ту эпоху. Вы не задумывались, почему одни молятся на Макаренко, а другие остро ненавидят его самого и его теорию?

Между тем факт остаётся фактом — во всём мире самые успешные исправительные заведения для несовершеннолетних преступников не только в Европе и США, но даже в Японии до сих пор используют его систему организации воспитательного и трудового процессов. С чего бы?

Макаренко сумел «сплавить» в одной педагогической системе воинствующий тоталитаризм, основанный на подавлении индивидуализма и воспевании коллектива, теорию эффективного менеджмента и экономическую мотивацию персонала. Удивительно, но он создал

школу, которая может быть и практическим руководством по коммунистическому воспитанию в духе Платона, и системой социализации в обществе, построенном на рыночных отношениях и общественном договоре.

Макаренко слепо верил в коммунистическое государство, но не понимал, как оно функционирует, чего боится и за что уничтожает своих самых инициативных адептов. Он был бесконечно смел и эффективен в своих педагогических поисках. Но не зависть и невежество чиновников Наркомпроса уничтожили его колонии. Человеческий фактор, конечно же, сыграл свою роль, однако при связях Антона Семёновича, а его поддерживал сам Горький, он бы в порошок стёр всех недоброжелателей, если бы мог быть по своему складу партийным конъюнктурщиком. Макаренко искренне хотел жить в стране экономически эффективных хозяев, не осознавая, что это подрывает основы тоталитарной организации советского социума: *хозяева в «стадо» не сбиваются.*

Точности ради надо заметить, что «хозяином», по Макаренко, мог быть только коллектив, а не личность. Но в вопросе уничтожения опыта Макаренко это роли не играло. Хозяин-коллектив и хозяин-личность — одноподобные категории.

Бой «прыщам», или Основы коммунистического воспитания

Переходя к анализу коллективистской педагогики Антона Семёновича, я хотел бы напомнить бессмертного Платона, подтверждающего слова ещё более бессмертного Фауста:

Ступай, чужак, про гений свой твердя,
Что б стало с гордостью твоей бахвальской,
Когда б ты знал — нет мысли мало-мальской,
Которой бы не знали до тебя?

Итак, цитирую: «Пусть жизнь всех людей будет возможно более сплочённой и общей. Ибо нет и никогда не будет ничего лучшего, более полезного и искусного в деле достижения удачи и победы. Упражняться в этом надо с самых ранних лет, и не только в военное, но и в мирное время. Надо начальствовать над другими и самому быть под началом. *А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям.*» Это — Платон. Мы же перейдём к Антону Семёновичу.

С одной стороны, Макаренко декларирует необходимость создания такого метода, «который, будучи общим и единым, в то же время даёт возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность...»¹. При этом тут же становится понятно, что свобода

¹ Макаренко А.С. Мысли, суждения, примеры // А.С. Макаренко о воспитании. М.: Изд-во полит. литературы, 1990. С. 76.

личности развивать свои особенности распространяется исключительно на общечеловеческую сферу. В вопросах социального воспитания личности Антон Семёнович сразу же всё расставляет по своим местам: «Социалистическое общество основано на принципе коллективности. *В нём не должно быть уединённой личности, то выпяченной в виде прыща, то размельчённой в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива.*

В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути, и личного счастья, противопоставленных судьбе и счастьем коллектива»².

Макаренко практически «цитирует» Платона, утверждая, что «педагогическое средство должно выводиться первоначально из нашей общественной и политической цели».

«Наш воспитанник, кто бы он ни был, никогда не может выступать в жизни как носитель некоего личного совершенства, только как добрый или честный человек. Он *всегда должен выступать, прежде всего, как член своего коллектива, как член общества, отвечающий за поступки не только свои, но и своих товарищей*». Прямо круговая порука какая-то.

Какие же принципы коллективной динамики определяет Макаренко? Вот они:

- ◆ распоряжение,
- ◆ обсуждение,
- ◆ подчинение большинству,
- ◆ подчинение товарища товарищу,
- ◆ ответственность,
- ◆ согласованность.

Предлагаю обратить внимание на цепочку «распоряжение — обсуждение — подчинение большинству». Демократический принцип обсуждения «обставлен» с двух сторон тоталитарными принципами распоряжения и подчинения большинству. Сам Антон Семёнович был большой специалист в манипулятивном создании большинства, если его идеи встречали сопротивление у значительной части колонистов.

«Но бывает и так, что я не могу уступить большинству совета. У меня тогда остаётся один путь — апеллировать к общему собранию коммунаров. На общем собрании меня обычно поддерживают все старшие коммунары, бывшие командиры и почти всегда — комсомольцы, способные более тонко разбираться в вопросе.

Благодаря такой конъюнктуре командиры очень не любят,

когда я угрожаю перенести вопрос на общее собрание, и недовольно бурчат:

— Ну да, конечно, на общем собрании за вас потянут. А вы здесь должны решать, а не на общем собрании. Им что, поднять руку!»³

Замечу, не создав «послушное большинство», Макаренко не советует вводить управляемую демократию в детском коллективе: «Пока в учреждении ещё нет достаточно крепкого общественного мнения, состав совета может и не избираться общим собранием, а назначаться педагогическим руководством и постепенно наполняться новыми членами способом кооптации»⁴. Вот и вся технология манипулирования. Главное — убедить детей в святости подчинения коллективу и воспитать послушное большинство. И вот шедевр тоталитаризма: «*В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность — создать отношения подчинения, а не равностояния*»⁵.

Врагом своей системы Макаренко называет педагогику буржуазного индивидуализма, чётко следуя великой подмене понятий Платона, отождествлявшего индивидуализм с эгоизмом.

«А в нашей рабочей, комсомольской и партийной интеллигенции много ещё существует воспитательных предрассудков, на веру воспринятых от старой педагогической теории и просто от бродячей интеллигентской мысли, от литературных образов и идеалов. Путь нового ленинского воспитания, путь воспитания коммунистического — это путь напряжённой борьбы со многими врагами. *Враги — это осколки старой российско-интеллигентской идеологии, сильные толщи буржуазного индивидуализма*»⁶.

² Макаренко А.С. Цель воспитания // Указ. соч. С. 36.

³ Макаренко А.С. Совет командиров // Указ. соч. С. 171–172.

⁴ Макаренко А.С. Методика организации воспитательного процесса. Совет коллектива // Указ. соч. С. 159.

⁵ Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания, отношения, стиль, тон в коллективе // Указ. соч. С. 103.

⁶ Макаренко А.С. Педагоги пожимают плечами // Указ. соч. С. 85.

Антон Семёнович хорошо разбирался в либеральной педагогике, приклеивая, правда, к ней ярлык «буржуазная». «Воспитание в буржуазном обществе — это воспитание отдельной личности, приспособление её к борьбе за существование. И совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качество хитроумия и жизненной дипломатии и качества обособленной борьбы, *обособленного борца за самого себя*»⁷.

Подумать только, чтобы понять задачи новой российской педагогики, у нас, разработчиков и менеджеров проекта «Новая цивилизация», ушли годы. Десять лет ушло на то, чтобы создать технологию подготовки «обособленного борца за самого себя». Выходит, мы заново изобрели велосипед, чертежи которого были сознательно забыты после 1917 года и преданы анафеме главным мастером советской педагогики. Но об этом позже.

«Право на ломку»

В разделе «Методы воспитания» цитированной нами статьи «Проблемы школьного советского воспитания» Макаренко рассказывает о своём воспитаннике Терентюке, артистически одарённом юноше, поступившем в технологический институт, не поддавшись на убеждения Макаренко идти учиться на актёра. Рассуждения и переживания Антона Семёновича в связи с этим случаем заслуживают особого внимания, так как, на мой взгляд, в них проводится чёткий водораздел: что можно делать в тоталитарной педагогике и категорически нельзя в либеральной.

«...И вот он ушёл в технологический институт при *моём* глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актёра. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку...

Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решил — вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушёл в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить из технологического института и определить в театральный техникум. Он ходил очень грустный, но не *подчиниться коллективу не мог — он получал стипендию, общежитие в коллективе* (Заметили? Да, это шантаж. — А.Е.). И сейчас он прекрасный актёр, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен.

⁷ Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания: Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе // Указ. соч. С. 101.

УСТАРЕЛ ЛИ МАКАРЕНКО? ЧТО ТАКОЕ «НОВОЕ», А ЧТО — «СТАРОЕ»?

Валентин Кумарин

Некоторые даже «доказывают», что Макаренко устарел, и удивляются: какие ещё могут быть сомнения в этом? Вот послушайте: «Статью «Великий педагог ГУЛАГа» прочёл с удовольствием — и профессиональным (как преподаватель), и чисто человеческим. Хотелось бы дополнить её несколькими соображениями.

Помню, как в своё время меня неприятно поразила, и больно задела аналогия, которую «гуманист» Макаренко привёл в своей лекции «Методы воспитания»: «Ведь учат врача производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить»¹. Обратите внимание на кавычки, в которые Макаренко берёт это слово, — дальше будет видно, почему он это делает.

Прочитывая Макаренко слово в слово без отсебятины и подлога, доктор философских (!) наук Анатолий Горелов приходит к выводу: «Вот так — ни больше и ни меньше. Трепанация (кавычки пропали — дальше увидите, по какой причине. — Авт.) сознания людей стала основной задачей сталинской педагогики»², создателем которой Анатолий Горелов считает Макаренко и предьявляет ему обвинительное заключение: кроме трепанации (без кавычек!) вешает на него «воспитание без свободы», «подавление личности во имя интересов коллектива», «разделение людей на «наших и ненаших», «создание образа врага», «вращивание с помощью этого образа и «с помощью внушения» «стаи, которая будет действовать, как один, по приказу вожака», и приговор: «Конечно, сам Антон Семёнович Макаренко, безусловно, личность. Но если отказываться от сталинизма, надо отказаться и от его фетиша — макаренковской «педагогики». По моему мнению, она не может не рухнуть вместе со сталинской системой»³.

А теперь тщательно вымоем руки и натянем медицинские перчатки, чтобы трепанировать

¹ Горелов А. Идеи вместо идеала // Труд. 1993. 28 янв.

² Там же.

³ Там же.

череп автора приговора и поискать в его мозге повреждённый участок, — а вдруг поможет нейрохирургия? Раскрываем 5-й том сочинений Макаренко (1958 года издания!). Внимательно исследуем контекст, который «со всех сторон окружает слово «трепанация» без кавычек и в кавычках. Из контекста следует, что в коммуне имени Дзержинского воспитывался беспризорный мальчик по фамилии Терентюк. На сцене коммунарского театра он проявил незаурядный актёрский талант. Как пишет Антон Семёнович, «*талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика*»⁴.

И сам Антон Семёнович, и вся коммуна не сомневались, что Терентюк выберет профессию актёра. Но случилось непредвиденное. В те годы самой модной и престижной была профессия инженера, а Терентюк, на беду, был круглым отличником и, несмотря на советы и уговоры, поступил в технологический институт, понадеявшись, вероятно, на то, что круглому отличнику любое образовательное море по колено.

Удручённый таким решением одного из лучших и умных воспитанников, Антон Семёнович пишет: «И вот он ушёл в технологический институт при моём глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актёра. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку...»⁵

Прошло полгода. Прогноз Антона Семёновича (если Терентюк и станет инженером, то очень посредственным) подтверждался у всех на глазах. Парня надо было срочно спасать от катастрофы на всю жизнь. И вот тут Антон Семёнович не выдерживает: «Я подумал-подумал и решил — вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушёл в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум» (коллектив «подавил» личность. — *Авт.*). Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллективу не мог, — он получал стипендию (100 рублей от коммуны — добавка к государственной стипендии. — *Авт.*), общежитие

Но всё-таки, если бы теперь передо мной стояла такая задача, я бы боялся её решить, — кто его знает, какое я *имею право произвести* насилие? Вот право производить такую ломку — вопрос для меня нерешённый. Но я глубоко убеждён, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать — имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решён так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело — иметь право и другое дело — уметь это сделать. Это две различные проблемы. *И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку*»⁸.

Антон Семёновича можно поздравить — следуя его рецептам, таких ломок было произведено немало. Не можешь убедить? Давай, ломай! Кто потом разберётся в последствиях?

В либеральной педагогике подобный подход абсолютно исключён. И это не вопрос технологий, это вопрос этики. Конечно же, иногда взрослый педагог лучше юноши или девушки видит перспективы своих воспитанников. Но арсенал его средств должен быть ограничен. Молодые люди имеют право на ошибки и на свободу совершать их, ибо, когда свободный человек падает, он никого в этом не винит. Право выбора, даже ошибочного, всегда должно оставаться за человеком. Хотя бы потому, что оно определяет право на достойную жизнь.

Макаренко был убеждён, что с помощью его метода можно создать конвейер массового производства личностей по чертежам человека-коллективиста. По всей видимости, он действительно научился генерировать и управлять коллективным влиянием массы людей на бессознательное поведение личности. Управлять феноменом, названным Ле Боном⁹ «общественным бессознательным». Похоже, Антон Семёнович и сам «подсел» на невидимый наркотик собственной системы, поверив в её универсальность:

«...нам нужны практические цели, понятные для нас, выполнимые и грамотные, как хорошие чертежи дома в жилищном строительстве: здесь балкон, здесь лестница, кухня»¹⁰.

«Личность, коммунист, борец — всё это обязательно в единственном числе. Так и представляется богатый кабинет в богатом доме — уютный, мягкий, затенённый. В кабинете личность — сынок хозяйский, а над его душой учёный мастер, который за приличное вознаграждение взялся изготовить из хозяйского сына «гармоническую личность» в полном соот-

⁸ Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания: методы воспитания // Указ. соч. С. 46–47.

⁹ Ле Бон — психолог, исследователь коллективного бессознательного.

¹⁰ Макаренко А.С. Мысли, суждения, примеры // Указ. соч. С. 69.

⁴ Макаренко А.С. Соч. Т. 5. С. 119.

⁵ Там же. С. 119–120.

ветствии с либеральными убеждениями папаши, тем более что гармоничная личность» очень идёт к хорошему автомобилю, к замечательной яхте, и к богатому дворцу, и к богатой невесте.

А у нас массовое воспитание, воспитание миллионов, кадры для наших исторических пятилеток»¹¹.

Именно последние пять слов цитаты полностью вместили в себя весь смысл и задачи педагогической системы Макаренки. Впрочем, Антон Семёнович никогда не скрывал своё педагогическое кредо:

«Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества...»¹²

«...Наше воспитание должно быть коммунистическим классовым, и каждый воспитанный нами человек должен быть полезен делу рабочего класса»¹³.

«...Совершенно очевидно, что, приступая к решению такой задачи, мы не имеем уже возможности возиться только с отдельным «ребёнком». Перед нами сразу встаёт коллектив как объект нашего воспитания. И проектировка личности от этого приобретает новые условия для решения. Мы должны выдать в качестве продукта не просто личность, обладающую такими или иными чертами, а члена коллектива»¹⁴.

«...По отношению к отдельной личности коллектив утверждает суверенитет целого коллектива.

Утверждая право отдельной личности добровольно состоять в коллективе, коллектив требует от этой личности, пока она состоит в нём, беспрекословного подчинения, как это вытекает из суверенитета коллектива»¹⁵. Увы вам, увы. Диктатура пролетариата неизбежно приводит к диктатуре коллектива по отношению к личности.

«...Я не понимаю, что такое ребёнок десяти лет. Тебе 10 лет, ты гражданин Советской республики и к тебе можно предъявлять соответствующие требования»¹⁶.

Зомби-гуманист: как избежать риска воспитать индивидов

Иной раз, читая Макаренку, начинаешь думать, что он выступал в роли избранного эпохой популяризатора Платона. Судите сами:

Платон Афинский: «Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины».

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 74.

¹³ Там же. С. 75.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Там же. С. 121.

¹⁶ Там же. С. 126.

в коллективе. И сейчас он прекрасный актёр, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен»⁶.

Дальше прошу следить за каждым словом, за каждой запятой и за каждой кавычкой. Минули годы. Терентюк с успехом играет в театре. Но Антона Семёновича по-прежнему терзают сомнения. Он снова и снова возвращается к этому случаю и честно признаётся, что обосновать своё решение как педагогический закон ему не удалось и что он не знает, может ли такой закон быть или не может: «*Но всё-таки, если бы теперь передо мной стояла такая задача, я бы боялся её решить, — кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку — вопрос для меня не решённый. Но я глубоко убеждён, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать — имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решён так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело — иметь право, а другое дело — уметь это сделать. Это две различные проблемы.*

И очень возможно, что в дальнейшем (!) подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей производить такую ломку. Ведь учат врача (вот оно! — Авт.), как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога такую «трепанацию» (понятно, почему появились кавычки? — Авт.) производить, — может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за её склонностями и способностями, направлять эту личность в наиболее нужную для неё (!) сторону»⁷.

Что в такой «трепанации» можно усмотреть крамольного, не скажет ни один человек, который способен мыслить и рассуждать «в пределах нормы». Поэтому «трепанация», которую я на ваших глазах устроил доктору философии, была оправданной и, будем надеяться, поможет ему избавиться от комплекса фальсификации и очернительства. У меня даже есть гарантия,

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Там же.

что так оно и будет. Гарантия такая. Пятьдесят с лишним лет назад, а если точно, то 24 ноября 1950 года, «Литературная газета» опубликовала мою статью «Ещё о Ломоносовых, таланте и призвании», в которой я упомянул и о случае с Терентюком. На статью пришло много откликов. Один из них, написанный актёром А. Евтушенко, газета передала журналу «Народное образование», где он и был напечатан. А. Евтушенко писал, что, принимая столь ответственное решение, общее собрание и Антон Семёнович не ошиблись. Дмитрий Филиппович Терентюк стал на самом деле замечательным актёром. Только за три года он сыграл на сцене театра в городе Энгельсе около дюжины сложных ролей. Тут и Оргон в «Тартюфе», и Никита во «Власти тьмы», и Павел Петрович в «Сонете Петрарки». Товарищи по работе восхищались Терентюком и вслух, и втайне, но он никогда не был доволен собой.

«Это был человек, душевный порох которого не зависел от погоды и всегда оставался сухим. В споры же он не вступал потому, что их значимость казалась ему сомнительной»⁸.

...За три года, которые Д.Ф. Терентюк прослужил в театре города Энгельса, он лишь однажды, да и то по настойчивой просьбе горкома комсомола, скупо рассказал о себе: «Беспризорничал. Сняли с поезда, привели к Антону Семёновичу. Я стою у порога, а он сидит за столом и пишет. На меня — ноль внимания. Ровно стоять без привычки трудно, и я прислонился к косяку, стою вразвалочку. А он как будто этого только и ждал, спрашивает:

— Для чего служит косяк?

— Ясное дело, — говорю, — чтобы дверь держать.

То ли ему мой ответ понравился, то ли ещё почему, а только мораль за мою «вразвалочку» он мне читать не стал. Спросил, как зовут. Хочу ли жить в коммуне.

...А потом началось то, о чём в его книгах написано. Учились ремеслу, учились дружить. Короче говоря, жить учились. Много нас было, но он каждого знал. Знал, кто чем дышит. Я, к примеру, после школы в технологический институт подался. Учился средне. Антон Семёнович считал, что моё призвание быть артистом, и вскоре судьбу мою решило общее собрание коммунаров. Теперь вот работаю на сцене... много лет».

⁸ Евтушенко А. Макаренко не ошибся // Народное образование. 1963. № 3.

Антон Макаренко: «Я пошёл ещё дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом, так, чтобы подчинения и приказания как можно чаще встречались...»

Вот почему я так настаивал на некоторой военизации и... строил систему первичных коллективов, причём на правах единоначалия, которые я давал своему командиру»¹⁷.

И тот и другой особенно подчёркивают необходимость бессознательного воздействия на подопечных, в обход их мышления.

Платон Афинский: «Словом, пусть человеческая душа приобретёт навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно».

Антон Макаренко: «Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание. Настоящая широкая этическая норма становится действительной только тогда, когда её «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимся мнением и общественным вкусом»¹⁸.

Высшим пилотажем Макаренко считал, чтобы верные с его педагогической точки зрения представления о жизни фиксировались у воспитанников в форме «правильной советской привычки». А привычка, как известно, — действие, выполняемое человеком автоматически, то есть бездумно.

«...одним словом, я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определённую группу привычек. ...Настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит»¹⁹. Вот она, формула Зомби — не осознавать, а бессознательно ощущать!

Главная привычка, если проанализировать всё написанное Антоном Семёновичем, — это привычка подчиняться коллективу, растворяться в коллективе и получать от этого удовольствие.

«Потому что, если коллектива и коллективного воспитания не будет, то при индивидуальном подходе возникает риск воспитать индивида, и только...»²⁰.

¹⁷ Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания: Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе // Указ. соч. С. 94.

¹⁸ Макаренко А.С. Мысли, суждения, примеры // Указ. соч. С. 81.

¹⁹ Макаренко А.С. Мои педагогические воззрения // Указ. соч. С. 64.

²⁰ Там же.

Иногда эйфория слишком захватывает Макаренко. Ему уже не хватает категории справедливости, он явно затеял сделать всех людей счастливыми. Помните, как в фильме «Отроки во Вселенной»: «Мы сделаем вас счастливыми, счастливыми, счастливыми». Правда, Антон Семёнович не стал искать радикальных способов осчастливливания и выбрал вполне традиционный российский путь:

«И я убеждён, что при развёрнутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. *Нельзя быть несчастным*. Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были стахановцами, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми»²¹.

Помните? «Бодры» — надо говорить бодро, а «веселы» — весело.

Гармонизация улья, или Воспитание несвободных граждан

Солирует Антон Семёнович: «Наш воспитанник тоже готовится к определённой системе зависимостей. Страшное заблуждение — полагать, что, освободившись от системы зависимости буржуазного общества, то есть от эксплуатации и неравномерного распределения жизненных благ, воспитанник вообще свободен от всякой цепи зависимостей. *В советском обществе существует иная цепь зависимостей — это зависимость членов общества, находящихся не просто в толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определённой цели*. И в этой нашей организованности есть процессы и явления, которые определяют нравственность нашего советского человека и его поведение.

И все мы по мере того, как живём в советском обществе, растём, мы растём как члены коллектива, то есть как люди, находящиеся в определённой системе зависимостей...

Для того чтобы яснее представить себе эту проблему, посмотрим коллектив в действии, именно коллектив, а не толпу, то есть коллектив, имеющий перед собой определённые общие цели. В этом коллективе зависимости очень сложные, каждая отдельная личность должна согласовывать свои личные стремления со стремлениями других: во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива — ближайшей группы, должна согласовывать так, чтобы личные цели не делались антагонистичными по отношению к общим целям. *Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества...*

²¹ Макаренко А.С. Коммунистическое воспитание и поведение // Указ. соч. С. 61.

Недалеко от доктора философских наук ушёл и доктор педагогических наук, профессор А. Карамышев, только этот совсем уже человек с идеологией нашего РАО, с её уникальной «методологической культурой». Выступая в 1988 году на довольно шумной педагогической тусовке, в которой участвовали представители 50 университетов и педагогических вузов ещё «не бывшего СССР», он, сам того не ведая, установил рекорд академической «рассеянности». Вот «стрела», которую он под аплодисменты всей секции «Демократизация образования» (рук. Ю. Азаров) выпустил, целясь в сердце «устаревшей» мишени: «*Даже у Макаренко есть установка на то, что нужно воспитывать борца, полного инициативы. Борца с врагами народа!*»⁹

Защитив обе диссертации по «педагогике трепанации», я, к счастью, не забыл, где находятся слова, которые я выделил. Они приводятся в библиографической, ироничной, можно даже сказать, желчной статье Антона Семёновича «*Цель воспитания*». В этой статье он тычет носом сегодняшних и будущих профессоров, «новаторов» и «инноваторов» в самую важную проблему педагогики, в проблему, о которой они слыхом не слыхивали, в проблему «**собственно воспитания**». Он пишет: «*В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западно-европейских трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя дельным соображением, что это «всё равно». Ещё через год они расширили идеал и возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы»*»¹⁰.

И дальше: «*с самого начала и проповедникам, и ученикам, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса об «идеале» проверить педагогическую работу всё равно никому не доведётся, а потому и проповедь указанных идеалов была делом совершенно безопасным*»¹¹.

Выше я отметил, что заявление доктора педагогических наук было встречено с телячьим

⁹ Шпеко А. Стратегия: выигрывают все // Учительская газета. 1988. 20 дек.

¹⁰ Макаренко А.С. Соч. Т. 5. С. 345–346.

¹¹ Там же.

восторгом. Но это мелочь, **главное** — ни один представитель 50 университетов и педагогических институтов не заметил «оговорки», не почувствовал **стилистической фальши** — **«борца, полного инициативы»**. Такого автор «Педагогической поэмы» не сумел бы выговорить даже под пыткой! Что тут сказать? Такая у нас профессорская эрудиция...

Так что будем делать? Последуем совету доктора философских наук и откажемся от «сталинского детища»? Или перед тем, как принять решение, попробуем разобраться: кто же он такой, этот Антон Макаренко, какого мы действительно никогда не знали (и не очень рвёмся узнать)? И что представляет собой его **суперновая педагогика**?

Если игнорировать праздных болтунов и учёных дилетантов, то подавляющее большинство людей, которых Бог пощадил и не лишил рассудка, совершенно справедливо считают: Макаренко был величайшим гуманистом и, конечно же, гениальным педагогом. Полноправным и полномасштабным преемником титанов научной, природосообразной педагогики — Коменского, Локка, Песталоцци, Дистервега и Ушинского. Но, на мой взгляд, это его не единственная и даже не главная историческая заслуга. **Главная заслуга**, в чём я убеждён, **состоит в том, что в колонии имени Горького и особенно в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского он осуществил грандиозный социальный эксперимент, создал — на все времена — общечеловеческую модель совершенного общественного устройства**. Модель, в которой **главным действующим персонажем** является вовсе не коллектив, как многие привыкли думать, а **отдельно взятый человек со всеми его врождёнными потребностями и врождёнными способностями**. Тот самый человек, который «звучит гордо». И только этим я объясняю непонятную с первого взгляда странность, что «опыт Макаренко» до сих пор остаётся тайной за семью печатями. Уж очень просто, очень художественно, очень «ненаучно» он описывает, анализирует этот «опыт». Привыкшие к непролазному, конспиративно-му «словоблудию» «научных» психологов и «инноваторов», как правило, не замечают, какие под этой простотой и гоголевской манерой изъясняться скрыты Марианские впадины и какие Эвересты научной мысли из неё возвышаются.

Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю — это не советское воспитание»²².

Я попробую перенести логику Антона Семёновича на романтические отношения влюблённых:

— Дорогая, у нас с тобой будет полная любовь и гармония.

— А что такое гармония, дорогой?

— Это когда ценности мои и моих родителей будут определять твои личные цели, любимая.

Но вернёмся к Макаренко:

«В практике коллектива на каждом шагу возникают вопросы гармонизации этих целей. Если в коллективе чувствуется это противоречие между целями общими и частными, личными, значит, коллектив не советский, значит, он организован неправильно. И только там, где личные и общие цели совпадают, где нет никакой дисгармонии, там коллектив советский»²³.

Самое любопытное, что придаться к Антону Семёновичу практически невозможно. Ведь то, что он сделал у себя в колонии, то есть советский коллектив, — социальный феномен, созданный им самим, а не объективно существующая реальность. Поэтому он вправе награждать его любыми признаками и эпитетами.

Обратимся теперь к рассуждению Макаренко, где он сам гениально вычленяет отличие собственной системы от либеральной педагогики:

«В дореволюционной педагогике, как и в дореволюционном обществе, отношения человека к человеку разрешались как отношения индивида к индивиду, то есть *отношения двух свободных самостоятельных миров*, и можно было говорить о воспитании хорошего человека, о воспитании доброго человека, о воспитании такого-сякого человека.

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища, об отношении члена одного коллектива к члену другого коллектива, *которые не свободны*, которые не возвращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами или отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу»²⁴.

Между прочим, я тоже люблю настоящие крепкие коллективы со здоровой энергетикой, стремящиеся к общей городской цели, но при целом ряде условий:

- этот коллектив не имеет права ломать мою личность;

²² Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания: Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе // Указ. соч. С. 101–102.

²³ Там же. С. 102.

²⁴ Там же. С. 102–103.

- ущемлять мои права и бить дубиной большинства по голове;
- и ещё: я оставлю за собой право сомневаться в любой истине, какой бы святой она ни казалась коллективу.

Антон Семёнович как-то странно умалчивает, как надо поступать с людьми, которые по-другому, чем он сам, понимают значение слова «коллектив». Но история нашей страны дала наглядный пример — для несогласных был построен ГУЛАГ.

«Пятая колонна», или За что «замочили» Макаренко

Казалось бы, за теорию советского коллектива, разработанную и воплощённую в жизнь Антоном Семёновичем, советская власть должна была носить его на руках. Но не тут-то было. Незадолго до смерти Макаренко писал: «...сейчас очень плохо чувствую себя без ребят, но мало ли приходится по разным причинам себя плохо чувствовать. Приходится делать то, что целесообразнее. В течение 16 лет я создал две колонии, и каждая из них хороша в своём роде и каждую развалили в момент наибольшей высоты...»

Ранее, пытаясь искать заступничество у Горького, Макаренко писал: «Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства одна наша колония стоит, как крепость... А меня едят даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть, — *за мою систему*».

Советские исследователи Макаренко объясняли крах гигантского труда Антона Семёновича происками людей, враждебных новаторству, но причина лежит глубже: *вся советская система, как любое тоталитарное государство, построенное по рецептам Платона, глубоко враждебно новаторству*.

Макаренко сам стал жертвой «гипноза» общественного бессознательного «великого порыва масс». Он почувствовал силу коллективного влияния и пал его жертвой. Удивительно, но, имея критический склад ума и инновационный стиль мышления, он ни разу не поставил под сомнение корректность коммунистической модели общества.

Судите сами: «Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность... Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединённо от всей системы средств. И наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная...»²⁵ Это ли не системный подход мыслителя,

²⁵ Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания: Методы воспитания // Указ. соч. С. 44.

Почитайте-ка, с учётом сказанного, обычную вроде бы канцелярскую писульку Макаренко, которую он в 1922 (!) году отправил в Москву, в Центральный институт организаторов народного просвещения (где у нас такой институт, подскажите, пожалуйста?). Чтобы не метаться по всему семитомнику, главное процитирую: «Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслово, Ленина».

И ниже: «С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума», Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьёва. О Гегеле знаком по изложениям»¹².

Весьма характерно и такое признание: «Индивидуальную (!) психологию считаю несуществующей»¹³.

Если принять во внимание, что Макаренко даже в детстве отличался поразительной начитанностью, то мог ли он в зрелой юности, будучи «хорошо знакомым с трудами Михайловского, Лафарга, Маслово, Ленина», при том, что изучал их (именно изучал, потому что читал очень выборочно), мог ли предпочесть аргументам Штирнера¹⁴ марксистскую схоластику и стать сначала марксистом, а потом и «сталинистом»? И разве мог бы, следуя по стопам марксизма и сталинизма, решиться на свою педагогическую и социальную революцию в колонии имени Горького и в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского? Исключено, ибо об этом свидетельствуют не только его теоретические выкладки, но многократно проверенные, достоверные факты.

Кто-то из особо удивлённых, ошеломлённых и шокированных непременно воскликнет: «Но как же так?! Ведь в его работах то и дело мелькают такие словосочетания, как «коммунистическое воспитание», «марксистское мировоззрение», «мудрые указания Сталина» и т.п.? А вы полюбите попробуйте, когда работы с этими словосочетаниями публиковались? Правильно: в 1937–1938 годах. А что у нас в эти годы творилось? Вы бы стали делать ссылки на Михайловского, Туган-Барановского, Железнова,

¹² Макаренко А.С. Соч. Т. 7. С. 401.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994.

Маслова, а уж тем более на Штирнера, когда, словно кочаны капусты, летели головы даже тех, кто когда-то был близок к Ленину? Когда вся страна покрылась ГУЛАГом, в котором живо гнил весь цвет российской интеллигенции? Когда каждый третий (!) «советский гражданин» был стукачом НКВД?

Конечно, все эти «словосочетания» были спасительной дымовой завесой, чудовищно вынужденной, конъюнктурной риторикой, без которой мы вообще ничего бы не узнали ещё об одном общечеловеческом гении. В своё время я проделал «тихий эксперимент». Взял и потихоньку вычеркнул все эти «словосочетания». И что же мне открылось? Я увидел, какой чистой и честной стала **подлинная** логика тех самых работ, публиковавшихся в указанные годы. Повторить этот «эксперимент» может каждый, и я настоятельно советую это сделать, чтобы не попасться на удочку Юрия Азарова и его компании.

Заодно перечитайте «Педагогическую поэму». Можно только удивляться «прорухе» советской цензуры, потому что вся эта книга просто наштапована — почти без маскировки! — антисоветчиной. В самом начале можно, к примеру, обнаружить, что любимым праздником в колонии имени Горького был день... Февральской революции! А уж какие поношения в адрес большевиков Антон Семёнович вложил в уста легендарного «соучредителя» колонии Калины Ивановича Сердюка!.. Даже глядя в текст, не веришь глазам. Думаю, что в этом «виноват» Горький. Он был единственным редактором «Поэмы» (кстати говоря, ничего не правил), а «присматривать» за ним даже Сталину было неловко.

Что касается праздных болтунов и учёных дилетантов, то я, разумеется, не могу оспаривать их право на собственное мнение. Но во избежание новых конфузов всё же напомним гуманнейший смысл русской поговорки: очень это опасно — «лезть в воду, не зная броду». Особенно когда перед тобой не какая-нибудь «инновационная» лажа, а бездонный океан гениальности автора «Педагогической поэмы».

Из книги:

Педагогика природосообразности и реформа школы. М.: Народное образование, 2004.

способного рассуждать диалектически? На мой взгляд, это противоречие можно объяснить тем, что *коммунизм для Макаренко был объектом веры, веры восторженной, всеобъемлющей, не требующей доказательств*. Очевидно, Антон Семёнович никогда глубоко не изучал теорию коммунистического общества, иначе бы он понимал, что его подходы к производственно-экономическому обучению колонистов — мина замедленного действия под столь обожаемое им советское государство. Его собственное видение советской власти как модели социума имело такое же отношение к действительности, как бутфорские фрукты, овощи и другие продукты, используемые при съёмках фильма «Кубанские казаки», имели к советскому «изобилию» в трудные послевоенные годы.

Макаренко воспел коллективизм и советский строй, но в основе его системы лежала *экономическая мотивация* трудовых коллективов, а значит, и их членов. Макаренко убеждён: кто лучше работает, должен лучше жить. А это — «пятая колонна» в тоталитарной системе. (См. заповедь Платона — никаких экономических соблазнов!) «Вожди», «стражи» и «стадо» должны быть в своём кругу стопроцентно однородны.

«Давая коммунару высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные *качества хозяина...*» — подчёркивает Антон Семёнович.

Трудовое воспитание в коммуне Макаренко было истолковано в советской педагогике как «производственно-профессиональная деятельность». На мой взгляд, этот термин «похоронил» всю глубину идеи Макаренко. Он учил своих воспитанников не производству и не профессиональной деятельности. Он *учил их менеджменту и эффективной организации производства*:

«Я понимал, что суть не в том, с чего начинать (речь идёт о производстве стульев. — *А.Е.*), а в *логике производства*, основанного на последних данных, а таковыми являются разделение труда и план.

Непроизводителю трудно понять, что такое план на производстве. План заключался не в том, сколько надо сделать столов и стульев. План — это тонкое кружево норм и отношений. Это кружево всяких деталей, это кружево всяких частей, движение от станка к станку. Нужно предусмотреть и приспособление качества материала, подачу материала, выдачу инструмента, его пополнение и, наконец, контрольные требования, а в хорошем производстве контроль — это также набор всяких приспособлений, норм и условий. Это — *сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И на таком «оборудовании» нужно воспитывать наших граждан*». Сравните для интереса такой подход с принудительным вскапыванием клумб на пришколь-

ном участке во время летней практики в школах. Много там «тонких кружев норм и отношений»?²⁶

По сути дела, Макаренко предлагал обучать молодых российских граждан науке, которая в современном бизнесе называется «*project management*» («Управление проектами»). Надо сказать, что именно этому по 4–6 часов в неделю учат сегодня американских и европейских школьников.

При всей очевидности правоты Макаренко идея воспитывать вчерашних беспризорников на «*логике производства*» и, пользуясь его же терминологией, «сложнейшем оборудовании человеческой деятельности» не менее крамольна. Искусство менеджмента или, трансформируя термин Макаренко, «*логика организации человеческой деятельности*» должны быть доступны только номенклатуре тоталитарного государства, то есть не «стаду», а «стражам» и «вождям».

«Не могу допустить, дети чекистов находятся в худших условиях, чем эти босяки», — мотивировал очередной отказ Антону Семёновичу один из чиновников Наркомпроса.

— Почему они в худших условиях? Как будто коммунары не работают целый день и не дают 4 миллиона прибыли?! — негодовал Макаренко, не понимая, что этот аргумент в советских условиях неуместен.

Атака на Макаренко началась с обвинений в «мозольной педагогике». Обратите внимание, лицемерное разрушение колонии им. М. Горького началось с типичного для пролетарской революции швондеровского лозунга:

«Хватит вам быть батраками — беритесь за учёбу...» На мой взгляд, это очень симптоматично. Так что не коммунистическому труду учил своих воспитанников Антон Семёнович, а самому что ни на есть капиталистическому,

с высококлассным менеджментом и высокой экономической эффективностью. Потому и была колония Макаренко «крепостью посреди общего моря расхлябанности и дармоедства». Потому и используют элементы его системы до сих пор в мире, где есть демократия, рынок и гражданское общество.

«Великий гуманист» или диктатор от педагогики?

Начиная своё исследование, я считал Антона Семёновича самым добрым диктатором от педагогики всех времён и народов. Диктатором, убеждённым в своей правоте. Ставя точку в статье, посвящённой его педагогической системе, с чистой совестью могу сказать — Макаренко диктатором не был. Антон Семёнович был честным российским учителем, заболевшим тяжёлой формой коммунистической невменяемости (эпидемия которой охватила в то время почти все страны мира), положившим свою жизнь на достойное воспитание и возвращение к нормальной жизни тех, кого считали отбросами общества.

Антон Семёнович не был диктатором, потому что вся его страшная сказка о взаимоотношениях личности и коллектива предполагала *добровольный характер включения в игру по его правилам*. Не желавший жить в колонии воспитанник должен был идти на все четыре стороны. И не вина Макаренко, что после его морального уничтожения из него сделали икону, искусно кастрировав придуманную им систему.

Макаренко любил детей и создавал в их среде атмосферу справедливости, личным примером показывая, как надо жить, работать и строить Утопию, которая существовала только в его воображении и внутри периметра его колоний. Жизнь в коммуне была понятной, предсказуемой, а значит — комфортной для воспитанников. Коммуна без Макаренко не была бы тем, чем была. Его рецепты и так называемое «право на переделку личности» были заслужены лично им и приняты детьми на условиях доверия лично ему: дети, подростки и молодые люди вообще уважают требующего, если его требовательность начинается с самого себя. Антон Семёнович как личность — 90% педагогической системы Макаренко. «Рецепты» Макаренко без самого Макаренко — наставления охраннику СИЗО. В самой полной мере к Антону Семёновичу Макаренко можно отнести слова Конфуция: «Истинная вера делает истинным даже ложное учение. Неистинная вера превращает истину в ложь».

Теория и метод Макаренко стали тоталитарными уже после его смерти, когда всех без исключения детей, подростков и молодых людей СССР стали загонять в коллективы, не оставляя им другого выбора. **НО**

²⁶ Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания: Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе // Указ. соч. С. 95–96.